

От посошного к подворному налогообложению: трансформация фиска в Московском государстве XVI–XVII вв.²

В статье рассмотрены основные этапы развития российской налоговой системы и влияние геополитических, экономических и социальных факторов на ее трансформацию.

Ключевые слова: система налогообложения в XVI–XVII вв.; Россия; единицы налогообложения: соха, выть, обжа; крестьянская община; мирская раскладка налогов.

Налогообложение в России в течение длительного времени определяли две тенденции: с одной стороны государственная власть пыталась максимально увеличить налоговые поступления в казну, а с другой – население (землевладельцы, крестьяне, посадские люди) стремились сократить налоговое бремя, уйти от налогов.

В выявлении факторов, оказавших воздействие на эволюцию системы налогообложения в России на протяжении XVI–XVII вв., я опираюсь на положение С.Б. Веселовского, который определил посильность основным принципом посошного обложения и мирского оклада, «посильность в смысле соответствия тягла всем важнейшим обстоятельствам, влиявшим на зажиточность и тяглоспособность людей» [8, с. 361].

Как известно, посошная система налогообложения в России сложилась в начале 1550-х гг., когда властями вводилась новая единица обложения – большая соха, величина которой зависела от качества земли и социальной принадлежности землевладельца. Составной частью сохи выступала фиксированная обжа (выть), мелкая единица обложения и мирской раскладки повинностей на местах, равная, как правило, 10–12 четвертям земли. Однако введение нормированной сохи не исключало колебаний ее размеров в разных уездах. Так, в Новгородской земле соха включала 30 обеж, обжа (выть) – 10 четвертей, тем самым величина новгородской сохи была в три и более раз меньше большой московской сохи [1, с. 65-84].

---

¹ Дмитриева Зоя Васильевна, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, zvdmitr@rambler.ru, Россия, г. Санкт-Петербург.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Налоги и войны в истории России XVI–XVIII вв.» № 16-01-00066.

До 1570-х гг. население должно было платить налоги со всех пашенных земель, включенных в государственные кадастры. В условиях кризиса, проявившегося в запустении больших массивов ранее обрабатываемых земель и резком сокращении численности тяглого населения, московские власти с целью облегчения налогового пресса пошли на исключение пустых земель из сошного обложения и обеление господской пашни. Это были первые шаги в изменении системы посошного обложения. Под влиянием политических и социально-экономических факторов государство вынуждено было вывести из обложения пустые земли. При этом, как показали авторы «Аграрной истории Северо-Запада России», в 1580-е гг. население сознательно забрасывало тяглые земли, включенные в писцовые книги, и стремилось обрабатывать запереложённые пашни наездом («на суках»), брать пустую землю в аренду на льготных условиях [32, с. 267-269].

Серьезный удар посошной системе налогообложения нанесла Смута начала XVII в. На «воеванных» территориях происходило дальнейшее сокращение площадей обрабатываемой земли и измельчание крестьянских тяглых наделов, что приводило к снижению объемов собранных налогов. Польско-литовские и казацкие отряды грабили и разоряли население центральных и северо-западных уездов, а после 1613 г. – города, села, деревни и монастыри Русского Севера.

Власти для выяснения посильности хозяйств проводили частые переписи крестьян и тяглых земель. Материалы архива Новгорода показали, что во время шведской оккупации (1611–1615 гг.) в новгородских пятинах были проведены десятки ревизий земельного фонда. Дозирали и обыскивали пятины, уезды, погосты и села. По челобитью землевладельцев могли описывать отдельные поместья. В настоящее время выявлено более 40 дозорных и обыскных книг³. Важно отметить, что более половины дозоров и обысков проводилось при активном участии крестьянской общины. Дозорщики «спрашивали священника по

---

³ Рукописи хранятся в Стокгольме в Государственном архиве Швеции (Svenska Riksarkivet) в составе первой и второй серий коллекции: *Ockupationsarkivet från Novgorod*; далее — RA. NOA. Описание документов осуществлено Элизабет Лёфстранд и Лайлой Норджквист при участии А.А. Селина: *Accounts of the occupied city. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617*. 2 vol. Stockholm, 2005; 2009.

священству, а старосту, и целовальников, и волостных людей по крестному целованью, сколько в том погосте <...> сел, и деревень, и починков, и в них дворов, и во дворах крестьян и бобылей по имени, и кто на каком участке ныне живет и подати платить <...>»⁴. Приведенный формуляр характерен для дозорных и обыскных книг, составленных при участии общины [14, с. 78–86; 15, с. 69–77; 29, с. 49–62].

В состав понятых входили священники, старосты, целовальники и волостные крестьяне. Мир определял обежный (вытный) оклад каждого крестьянского двора и волости в целом. Священники скрепляли написанные мирскими дьячками дозорные и обыскные книги. Участие населения в составлении государственных кадастров влияло на учет крестьянских наделов и общей площади тяглой земли, а также способствовало равному распределению тягла внутри мира. Как явствует из сохранившихся дозорных и обыскных книг, тяглые наделы часто составляли менее половины четверти пашни (1/12 обжи – 0,833 четверти в одном поле или 1,25 десятины в трех полях; 1/24 обжи – 0,417 четверти или 0,625 десятины в трех полях; 1/16 обжи – 0,626 четверти или 0,938 десятины в трех полях; 1/32 обжи – 0,313 четверти или 0,469 десятины в трех полях). Напомним, что в первой половине XVI в. новгородские крестьяне чаще всего держали целую обжу, в 1580-е гг. в разоренной Деревской пятине на двор приходилось 0,32–0,42 обжи, в Порховском уезде Шелонской пятины – 0,21–0,31 обжи, в Шелонской пятине Залесской половины на поместных землях – 0,28 обжи, на монастырских и владычных – 0,78 обжи, в Водской пятине – 0,4 обжи [3, с. 75, табл. 43; с. 105, табл. 70; с. 130, табл. 100; с. 171, табл. 136]. Наглядное изменение соотношения обжи и двора на землях Новгородского уезда Шелонской пятины на протяжении ста лет (по восьми горизонтальным срезам) привел А.Я. Дегтярев: в 1498 г. на обжу приходилось 0,80 двора, в 1539 г. – 1,15 двора, в 1588 г. – 6,50 двора, а в 1612 г. – 22,61 [3, с. 115, табл. 78]. Несомненно, убыль населения и резкое сокращение тяглых земель были вызваны политической ситуацией, сложившейся в регионе. Можно привести типичную запись о причинах запустения: «... двор пуст Гришки Иванова, жил на пол-пол-полтрети обжи. И по скаски попа

---

⁴ RA. NO. Serie 2:84. P. 4.

и волостных людей Иванко да Спирко оскудали от воровских людей разаренья и от немецких кормов и податей <...> А Гришка Иванов во 122-м году умер з голоду, а участок его лежит впусе не пахан. Да три двора люцких пустых да четыре двора бобыльских пусты. А тех дворов люди и бобыли розбрелись безвестно, а иных побили немецкие люди, а иные з голоду померли...»⁵.

В эти же годы на новгородских землях власти, стремясь «польготить» отдельных землевладельцев, начинают разрушать помещельно-посошную систему обложения и класть на обжу не 10 четвертей земли, а 20 и более крестьянских дворов. В октябре 1612 г. в поместьях Ивана Якушкина, Смирного Отрепьева и кн. Федора Михайловича Оболенского в Чертицком погосте Шелонской пятины по дозору подьячего Михаила Нефедьева крестьяне были положены в новые обжи из расчета 25 человек на обжу. Причем бобыли были переписаны, но не учтены в обложении. Вместе с тем, в дозорных книгах зафиксировано значительное их число, в поместье Ивана Якушкина – более 50 человек. Введение льготного обложения было ответом правительства на челобитную Федора Оболенского «с товарищи». Как явствует из челобитной, практика определять размеры обожного обложения числом крестьян мужского пола, существовала на новгородских землях и была им известна. Льготу предоставили этим людям за их поддержку шведского присутствия в Новгороде и избрания шведского короля на московский престол. Льготное обложение также было введено в мае 1613 г. в вотчине Звадского Спасского монастыря в Чертицком и в Рамышевском погостах Старорусского уезда. Крестьяне здесь были положены в обжи «против Спаского монастыря, что в Русе на погосте, и помещицких крестьян по дватцати по пяти человек на обжу...»⁶. Как видим, шведско-русская администрация практику обложения по 25 человек на одну обжу применяла на разных категориях земельных владений [12, с.105-110].

Предоставление налоговых льгот в «смутное время» можно наблюдать и в Заонежских погостах. По данным писцовой книги 1582 г., в этом регионе в живущем значилось более половины пашни, в некоторых погостах ее размеры составляли 70 и более

---

⁵ Дозорная книга Полужской половины Водской пятины 1615 г. // RA. NOA. Serie 1:6. P. 4, 5.

⁶ RA. NOA. 1:113. С. 714, 715.

процентов (в Андомском, Пудожском, Шальском, Веницком, Олонецком и др.) [3, с. 246, табл. 192]. В 1610-е гг. в условиях дальнейшего запустения, вероятно, с целью облегчения тяжести налогообложения большая часть ранее обрабатываемых земель (более 50 %) была включена «впусто» и переведена на оброк, размер которого был значительно ниже тяглых платежей (в 10 и более раз) [13, с. 43, табл. 3].

Разоренные «нестроением» первого десятилетия XVII в. налогоплательщики разными способами уходили от обложения: пахали заброшенные земли «наездом», продолжали брать пашню в аренду; при проведении дозоров «списывали» живущую пашню «впусто». Так, в Кирилло-Белозерском монастыре государевы писцы трижды дозировали вотчинные земли Белозерского уезда, в 1613, 1615 и 1618 гг. Переписывали крестьян и пашенные угодья до тех пор, пока большую часть тяглых земель не записали «впусто» и не исключили из обложения. По письму 1618 г. монастырь должен был платить с чети и пол-полчети сохи (0,313) и 3 чети с полутретником⁷ (3,084), всего 222,184 четверти тяглой земли из расчета в сохе 700 четвертей средней земли. Таким образом, размер сошного письма в белозерских вотчинах Кириллова монастыря с 1613 г. до 1618 г. сократился более чем в 24 раза [11, с. 278]. Перевод тяглых пашен в перелог после Смуты отмечен и на других землях [2, с. 31–42; 6, 170–174; 31, с. 25].

В 1613–1619 гг. правительство, учитывая масштабы разорения населения в условиях острой нехватки финансовых средств, разрушенной в годы Смуты посошной системы обложения, пытались восполнить недостаток денег в казне экстраординарными сборами: прибегали к «порче монеты», сбору «запросных» («пятинных») денег, организовывали денежные займы у «знаменитых» людей⁸ [7, с. 7–11; 17, с. 67–70; 21, с. 199]. Однако этих мер было недостаточно для ликвидации дефицита государственного бюджета [19, с. 11, 15, 16].

Для восстановления поземельной (посошной) системы обложения и выявления реальной платежеспособности населения власти проводят ревизии (дозоры) земельного фонда. Дозорные

---

⁷ Третник осминный составлял 0,167 четверти.

⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 3. С. 2–3.

книги 1610-х–1620-х гг. фиксировали сокращение тяглых земель (даже по сравнению с 1580-ми гг.). Крестьянская запашка на двор часто не достигала 0,5 десятины [33, с. 65]. Огромные массивы ранее обрабатываемых земель были заброшены, деревни превратились в пустоши. Запустение охватило не только северо-западные территории, но и центральные уезды [16, с. 441; 4, с. 10–12, табл. 1, 3; с. 179–184; 30, с. 141].

Резкое сокращения размеров тяглых земель к началу 1620-х гг., а следовательно, и денежных поступлений в государеву казну, вынудило правительство первых Романовых пересмотреть организацию налоговых сборов и идти по пути облегчения налогового пресса населения. В 1620–1630-е гг. государство вводит новую единицу взимания платежей – «живущую («дворовую») четь», в ряде регионов – «живущую выть». Можно ли говорить, что новые единицы обложения пришли из новгородских пятин? Вероятнее всего, сама идея переложить обложение с земли, которую можно записать «впусто» и пахать наездом, на двор и мужскую душу зародилась в условиях хаоса и разорения, нанесенного «смутными временами».

Сохранив соху как единицу налогообложения (на помещно-вотчинных землях), правительство изменило принцип определения ее размера: отныне в соху клали не количество обрабатываемой земли, а определенное число крестьянских и бобыльских дворов: 2 – 2, 2 – 3, 4 – 2, 5 – 3, 8 – 4 и другие сочетания⁹. При расчетах величины сошного оклада 2 бобыльских двора приравнивались в одному крестьянскому. Это новшество не было переходом от посошного к подворному обложению, но, изменив систему в ее основе, сделало процесс отказа от поземельного обложения необратимым [34, с. 94–96]. Эту соху можно обозначить как подворно-посошную. Хронология введения «живущей чети» в отдельных

---

⁹ Например, «живущая четверть» в белозерских вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря, введенная писцовым описанием кн. Никиты Леонидовича Шаховского и подьячего Максима Козлова в 1626–1627 гг. включала 8 бобыльских и 8 крестьянских дворов. Подсчет проведен по спискам писцовой книги Белозерского уезда (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. СПбДА. А/16. Л. 346, 347, 442, 505 об.–506, 551 об., 576 и др.). В тех селах, где не было бобылей, «живущая четверть» включала 12 крестьянских дворов (например, в с. Елизарово Раменье) (Там же. Л. 527). Л.В. Милов со ссылкой на С.Б. Веселовского приводит норму «живущей чети» в Белозерском уезде в 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов [9, с. 600–601; 23, с. 162].

уездах, а также нормы оклада на одну выть на поместных и вотчинных землях обстоятельно рассмотрены в российской историографии [9, с. 481–555, 660; 17, с. 76–80; 18, с. 251–255, 529–530; 22, с. 6–56; 24, с. 202–231; 34, с. 103–117]. В целом, оценивая нововведение, историки неоднократно отмечали отсутствие общих для страны и даже в рамках одного уезда норм «живущей четверти». Писцовые книги, фиксирующие новую систему обложения, резко отличаются по уездам по формуляру описания и составу сведений [23, с. 56–155; 34, с. 104–115].

В Заонежских погостах была введена «живущая выть». Количество вытей определялось числом крестьянских дворов (бобыльские дворы не учитывались). Обложение происходило по следующей схеме. Первоначально писцы фиксировали общий размер пригодных для обработки земель; далее определяли число тяглых вытей из расчета 15 крестьянских дворов на одну выть. В других регионах это число могло быть иным. Например, в Сольвычегодском уезде по писцовой книге 1625 г. на выть положили 6, 8, 10 и 12 крестьянских дворов [34, с. 116]. Число тяглых вытей умножали (в зависимости от качества земли) на 12 четвертей «доброй», 14 четвертей средней или 16 четвертей «худой» и полученную величину отнимали от зафиксированного размера общей площади земель, оставшиеся земли вновь клали в выти по указной норме 12–16 четвертей. Эти выти числились «за указным числом», с них платили почти в 10 раз меньше, чем с «живущей выти» [34, с. 114–115]. «Живущая выть», «приказная шарада» по определению С.Б. Веселовского, своими корнями, по нашему мнению, восходит к обложению крестьян «смутного времени» [9, с. 475]. Если сравнить принцип обложения Заонежских погостов по новому обложению с сошным письмом начала XVII в., то налицо явная преемственность. В 1610–1611 гг. значительные площади обрабатываемых земель были переведены на оброк. Тяглая пашня составляла немного более половины вытей (53,9%), с них платили данные деньги в размере 10 руб. с выти, а оброк с пуста в среднем был менее одного рубля, т.е. в 10 и более раз (в некоторых уездах эта величина снижалась почти до полтины: в Вытегорском – 107,8 деньги, в Мегорском – 109,4 деньги с выти) [13, с. 41–42, табл. 1, 2].

По замыслу властей введение «живущей чети» должно было упорядочить систему налогообложения и повысить эффективность

сбора налогов. Однако землевладельцы, прежде всего монастыри, используя сложившуюся ситуацию, при составлении новых писцовых книг часть крестьянских дворов записывали бобылями (два бобыльских двора приравнивались к одному крестьянскому), тем самым резко сокращалось число сох [6, с. 201; 11, с. 279–283; 28, с. 38–39; 30, с. 143–145]. Так, белозерская вотчина Кирилло-Белозерского монастыря по писцовой книге кн. Никиты Шеховского и подьячего Максима Козлова 1626–1627 гг. была положена в 93 «живущие четверти». По сравнению с обложением 1618 г., число облагаемых четвертей сократилось более чем в 2 раза. Эти размеры сошного письма существовали до подворного обложения.

Введением новой системы обложения в 1620-е гг. государство не могло решить проблему сбора денежных средств, необходимых для содержания армии. Пополнение государственной казны шло, прежде всего, за счет таможенных и кабацких сборов, которые собирались, как и прямые налоги с населения. По подсчетам Е.Н. Швейковской, в платежах крестьян Поморья в Устюжскую четверть 51 % составляли таможенные, кабацкие и неокладные сборы [35, с. 204]. Необходимо также отметить, что чернососшные крестьяне Поморья по-прежнему платили со «старой» пространственной сохи, а выты и обжи включали 12–16 четвертей земли в зависимости от качества. Поморские города в 1620-е – 1630-е гг. на 80–90 % обеспечивали налоговые поступления в Устюжскую четверть [25, с. 96–98].

Смоленская война, начавшаяся в 1632 г., потребовала значительных денежных средств и вновь введения чрезвычайных сборов, запросных и пятинных денег на содержание армии. Значительные суммы государство брало в долг у монастырей. Масштабы государственного долга можно показать на нескольких примерах. Так, в 1632 г. у Кирилло-Белозерского монастыря в казну в долг было взято 630 руб.¹⁰; в 1642/43 г. у Троице-Сергиева монастыря – 10 тыс. руб., у Чудова монастыря – 9600 руб. [20, с. 25]. Однако денег в казне не хватало, недоимки тяглого населения росли [20, с. 3–25; 26, с. 110]. Меры, предпринимаемые властями для ликвидации недоимок, не решили проблему пополнения казны, сбор «доимочных денег» растягивался на десятилетия. Государство вынуж-

---

¹⁰ РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 223. Л. 2 об., 3.

дено было, исходя из принципа «посильности», предоставлять рассрочку в платежах налогов или списывать недоимки [26, с. 117].

Учитывая постоянный дефицит государственного «бюджета» государство идет на следующий виток разрушения посошной системы налогообложения и делает дальнейший упор на сбор косвенных налогов – вводит в феврале 1646 г. двугривенную пошлину на продажу соли (20 копеек с пуда вместо 5)¹¹. Однако соляной налог просуществовал в России недолго и был отменен в декабре 1647 г. Сбор стрелецких и ямских денег восстановили, налогоплательщики должны были их уплатить за пропущенные годы.

Сложившаяся к середине XVII в. система сбора прямых налогов не могла обеспечить растущие затраты на военные нужды. Правительство Алексея Михайловича для решения финансовых проблем проводит денежную реформу и в 1655 г. начинает чеканку медных денег, в результате которой увеличились поступления в казну [5, с. 14]. Введение в оборот медных денег вызвал резкий рост цен на основные продукты потребления [5, с. 40; 17, с. 112–117; 27, с. 104–113]. Медные деньги ходили на рынке, «медью» выплачивали жалованье служилым людям, но серебром население платило государственные налоги. Сложившаяся ситуация вновь привела к беспорядкам в Москве и отмене в июне 1663 г. хождения медных денег.

Правительство вновь делает акцент на сбор прямых налогов. Однако система сбора налогов требовала кардинальных изменений, что и было проведено в 1679 г. введением подворного налогообложения. Для этой цели в 1678–1679 гг. провели первую общероссийскую перепись населения. В тягло были включены не только крестьянские и посадские, но и бобыльские, холопы и прочие дворы. Одновременно вводился единый прямой налог – стрелецкие деньги [17, с. 117–119]. Тяглое население быстро отреагировало на реформу: начало «сводить» в один двор несколько семей, что уменьшало число единиц обложения [10, с. 162].

При изучении трансформации посошной системы налогообложения необходимо учитывать, что соха уже вскоре после ее введения не была единой единицей сбора прямых налогов. Со второй половины XVI в. «полоняничные деньги» (полоняникам на окуп,

---

¹¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века / Подготовка текста Р.Б. Мюллер. Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1986. С. 212–213.

немцам на корм) собирали подворно, а в XVII в. этот вид налога вносили не только тяглецы, но и другие категории населения – бояры, монастырские люди (слуги, служебники, мастеровые), священники, церковные причетники и др. До перехода к подворному обложению (1670-е гг.) с сохи взимали «стрелецкий хлеб», с «живущей чети» – стрелецкие и ямские деньги. На жалованье служилым людям деньги также могли брать с «живущей чети», а в годы русско-польской войны (1654–1667) – с дворов (крестьян и бобылей)¹². В начале правления Михаила Федоровича даточных людей брали с сохи, а в 1650–1660-е гг. крестьянский мир собирал деньги и довольствие на содержание даточных людей с определенного числа дворов.

Как видим, на протяжении почти двух столетий московские власти искали пути эффективного пополнения казны, но были вынуждены учитывать противодействие крестьянской и посадской общин сборам налогов в полном объеме. Таким образом, посильность несения государева тягла в России была важнейшим рычагом регулирования налогово-финансовых отношений. Принципиальные изменения (введение подворного, затем подушного обложения) произошли после Соборного уложения 1649 г. и прикрепления населения к государеву тяглу.

Литература

1. *Абрамович Г.В.* Государственные повинности владельческих крестьян северо-западной Руси в XVI – первой четверти XVII в. // История СССР. М., 1972. № 3. С. 65–84.
2. *Абрамович Г.В.* К вопросу о степени достоверности писцовых книг XVI в. и методике ее установления // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1971 г. Вильнюс, 1974. С. 31–42.
3. Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины / Отв. ред. А.Л. Шапиро. Л., 1974.
4. Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / Отв. ред. А.Л. Шапиро. Л., 1989.
5. *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936.
6. *Бащин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв.: Исследование и тексты. СПб., 2016.

---

¹² До введения подворного обложения налоги с дворов собирали по переписным книгам 1640-х гг.

7. *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908.
8. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1.
9. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2.
10. *Воробьев В.М., Дягтерев А.Я.* Борьба русского крестьянства с податной политикой феодального государства в XVI–XVII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 145–164.
11. *Дмитриева З.В.* Выгные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003.
12. *Дмитриева З.В.* К вопросу о появлении новой налоговой единицы в Русском государстве — «живущей чети» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 105–110.
13. *Дмитриева З.В.* Налоги и повинности крестьян новгородских пятин в «смутное время» (1611–1617) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Самара, 2015. С. 38–46.
14. *Дмитриева З.В., Селин А.А.* Klassificering av revisionsböcker från Novgorod-området 1611–1615 – Классификация дозорных книг новгородских пятин 1611–1615 гг. // Novgorodiana Stockholmiensia – Стокгольмская Новгородика. Stockholm, 2012. P. 65–72 (текст на шведском языке). С. 78–86 (текст на русском языке).
15. *Дмитриева З.В., Селин А.А.* О публикации новгородских дозорных и обыскных книг 1611–1616 гг. // Материалы XVIII Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв.». Нижний Новгород, 2015. С. 69–77.
16. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 2.
17. *Козлов С.А., Дмитриева З.В.* Налоги в России до XIX в. 2-е изд. СПб., 2001.
18. *Лапто-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
19. *Лисейцев Д.В.* Земский собор 1616 г. и сбор третьей пятины в Московском государстве: механизмы взаимодействия правительства и податного населения на исходе Смутного времени // Российская история. 2016. № 5. С. 3–20.
20. *Лисейцев Д.В.* Государственный бюджет Московского государства 1630–1640-х гг.: опыт реконструкции // Российская история. 2015. № 5. С. 3–26.
21. *Мельникова А.С.* Очерки по истории русского денежного обращения XV–XVII веков. М., 2005.
22. *Милов Л.В.* Историография источниковедения «писцовых книг» первой половины XVII в. // *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции

- аграрного развития России первой половины XVII столетия: Источник, компьютер и методы исследования. М., 1986. С. 6–56.
23. *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Источник, компьютер и методы исследования. М., 1986.
  24. *Милоков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства // Журнал министерства народного просвещения. 1893. Июль. С. 202–231.
  25. *Пугач И.В.* К вопросу о структуре доходов государственного бюджета первой трети XVII в. (по материалам Устюжской четверти) // Русь, Россия, Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2011. С. 92–98.
  26. *Пугач И.В.* Четвертные доходы государственной казны и крестьянские недоимки в 30–40-е гг. XVII в. (по материалам черносошных уездов Устюжской четверти) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. Т. 1. С. 110–118.
  27. *Раздорский А.И.* Экономическая политика правительства Алексея Михайловича и ее влияние на внутреннюю торговлю России в середине XVII века (на примере Курского рынка) // Клио. 1998. № 3. С. 104–113.
  28. *Сазонова Т.В.* Кирилло-Новоезерский монастырь: Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. М.; СПб., 2011.
  29. *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
  30. *Черкасова М.С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой лавры) М., 2004.
  31. *Черкасова М.С.* Монастырские крестьяне Ростовского уезда в начале XVII в. (по оброчной книге Троицкого монастыря 1617 г.) // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1994. Вып. 6. С. 25–59.
  32. *Шапиро А.Л.* Общая характеристика аграрных отношений Северо-Запада России в XVI в. Крестьянское землепользование // Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины / Отв. ред. А.Л. Шапиро. Л., 1974. С. 267–269.
  33. *Шапиро А.Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв. Л., 1987.
  34. *Шапиро А.Л.* Живущая четь и живущая выть // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVII. Л., 1987. С. 94–116.
  35. *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье XVII веке. М., 1997.